

Было бы здорово, если бы люди могли сами выбирать свою судьбу. Время от времени Ли Чжи думал: а существует ли где-то в этом мире другой «я»? Другой Ли Чжи — самый обычный, но по-настоящему счастливый. В каком-нибудь параллельном мире у него есть и отец, и мать, они живут бедно, но дружно. Тот, другой Ли Чжи за всю жизнь не видел таких роскошных особняков, не носил баснословно дорогой одежды и не пробовал изысканных деликатесов, но он счастлив.

Счастье... Раньше Ли Чжи казалось, что счастье подобно ласковому ветру, набегаящему волна за волной. Но теперь он понял: это лишь хрупкий мыльный пузырь, который лопается от малейшего прикосновения.

Он словно очнулся от долгого, затяжного сна. Это было прекрасное сновидение: легкое, пушистое облако подхватило его и несло все выше и выше, туда, где мир становился неописуемо прекрасным. Облачная дымка соткалась в лестницу, ведущую прямиком в Эдем — в сад вечного блаженства. Там на ветке висело наливное, глянцевое яблоко, а чей-то призрачный голос шептал из пустоты: «Съешь его. Сделай один укус — и обретешь вечный покой и радость». Словно в трансе, Ли Чжи протянул руку, но стоило его пальцам коснуться кожицы плода, как туман мгновенно растаял.

Он рухнул с небес на землю. Открыв глаза, Ли Чжи увидел лишь перевернутый мусорный бак с гниющими отходами и роящихся над ними мух, которые оглушительно жужжали, непрерывно хлопая крыльями.

Ли Чжи моргнул. Веки саднило, глаза пересохли, словно потрескавшееся русло реки. Он лежал на боку, свернувшись калачиком, приняв позу эмбриона в утробе матери. Руки бессильно вытянулись вдоль тела, пальцы едва заметно подергивались в мелких судорогах — столь ничтожных, что со стороны их было не разглядеть.

«Надо встать...»

Но тело больше не слушалось. Он не мог пошевелить даже пальцем, лишь безучастно наблюдал за их непрекращающейся дрожью. Сколько бы он ни пытался, они только мелко дрожали.

«Ну же... пожалуйста... сделай хоть движение...»

Опереться на ладони, подняться, привести себя в порядок и пойти на уроки — почему это вдруг стало непосильной задачей? Ведь это так просто.

Веки нервно затрепетали. Сквозь плотно сжатые зубы прорвался тихий, надрывный стон, похожий на предсмертный хрип раненого зверя. Ли Чжи осознал горькую истину: он лежал вовсе не на твердом холодном полу. Под ним была зыбучая трясина, и чем отчаяннее он пытался бороться, тем глубже его затягивало.

— Эй! Кто там?! — неожиданно раздался мужской голос.

Резкий, мечущийся луч фонарика ударил по глазам, ослепив Ли Чжи. Прошло немало времени, прежде чем зрение вернулось, и он смог разглядеть стоявшего перед ним мужчину средних лет.

Это был заведующий школьным складом спортивного инвентаря.

— Парень... Эй, парень? — Учитель явно оторопел от его жуткого вида. — Ты как здесь оказался? Что за... — Он огляделся по сторонам и указал на опрокинутый мусорный бак: — Кто это сделал? Тебя кто-то обидел? Что произошло? Ну же, расскажи мне! Это переходит все границы! Из какого ты класса? Как тебя зовут? Кто твой классный руководитель? Кто еще здесь был?!

Ли Чжи приоткрыл запекшиеся губы. Какое счастье, что он еще мог говорить. Пусть шепотом, едва слышно, но слова давались ему.

— Я... я Ли Чжи из класса G10A... Моя классная руководительница... учительница Дженни Лю. Только что... Ван... Ван Кайсюань... Хань Цзы... яо... Чэнь...

Он говорил, запинаясь на каждом слове, но на середине фразы его тихий голос угас окончательно. Ли Чжи успел заметить, как переменялось лицо учителя: искренний гнев сменился растерянностью, затем паникой и, наконец, трусливым сожалением. В этот миг в душе Ли Чжи с отчетливым сухим щелчком что-то треснуло и рассыпалось в прах.

— Вот... вот как... — пробормотал мужчина. — Должно быть, произошло недоразумение. Слышишь, парень? Ты давай... вставай, сходи умойся. А я... ну, я зайду к твоей классной руководительнице и обо всем доложу.

Бросив эти скомканные слова, он спешно развернулся и ушел. Его шаги были суетливыми, спина напряжена — учитель бежал прочь в настоящей панике, малодушно спасая собственную шкуру.

Он уходил так быстро, что даже забыл закрыть за собой тяжелую дверь спортивного зала. Снаружи хлынул яркий солнечный свет, прорезая пыльный полумрак золотистым столбом. Один из этих лучей коснулся мыска Ли Чжи.

Пальцы на ноге судорожно дернулись — точь-в-точь как плавник выброшенной на берег, задыхающейся рыбы. Опустошенный взгляд застыл в пустоте, щеки обжигал влажный след. Во всем онемевшем теле послушными оставались только веки.

Ли Чжи понял, что плачет. Через несколько секунд заброшенный спортивный зал наполнился его надрывным, полным отчаяния воем. Звук был хриплым и пронзительным, словно со

свистом лопнувшая струна:

— А-а-а!.. А-а-а-а!

Кто-нибудь, спасите его. Спасите. Человек, бог, дьявол — кто угодно, умоляю, помогите!

— Пожалуйста... умоляю вас... — шептал он, распластавшись по полу и сам не зная, к кому обращается.

Во рту стоял приторный, удушливый вкус крови, от которого подступала тошнота. Слюна, кровь и слезы смешались на его лице, превратив его в такое же жалкое месиво, в какое превратилась вся его жизнь.

— Помогите мне...

Тук... тук...

Дощатый пол отозвался глухим стуком кожаных туфель. Ли Чжи резко распахнул глаза.

Собрать последние силы, чтобы повернуть голову к выходу... В проеме полуоткрытой двери вырисовывался высокий силуэт. Он стоял на самой границе света и тени. Одной рукой придерживал висящие на шее наушники, другую небрежно засунул в карман брюк. За его спиной темнел массивный чехол — похожий на виолончельный, но гораздо крупнее. Контрабас.

Из-за бьющего в глаза солнца разглядеть лицо было невозможно, но Ли Чжи мгновенно его узнал. Сухие, потрескавшиеся губы задрожали, сиплый шепот сорвался с языка:

— Чу Минчжан...

«Чу Минчжан... Пожалуйста, помоги мне. Сжался надо мной. Мне нужна лишь крошечная услуга, суший пустяк... Я не усложню тебе жизнь, правда...»

Но горло сдавило спазмом, и Ли Чжи не смог вымолвить ни слова. Все эти мольбы бились у него в груди, но так и не сорвались с губ.

В этот момент над школьным двором величаво пронеслись звуки Вестминстерских курантов. Нога юноши, замершая в тени дверного проема, слегка шевельнулась, а затем он развернулся в противоположную сторону.

Тук... тук...

Ровный, размеренный стук шагов начал удаляться. Он уходил. Чу Минчжан просто развернулся и ушел.

Ли Чжи закрыл глаза. Все тело пробрал леденящий холод. Слез больше не осталось, а облепившие его нечистоты и мусор казались серыми хлопьями судьбоносного снегопада, укрывающими его крошечную, грязную могилу.

Жизненные силы вытекали из него вместе с пролитыми слезами. Нечеловеческий холод разливался по венам, подбираясь все ближе к сердцу. Веки затрепетали, пушистые ресницы налились свинцовой тяжестью. Окружающий мир стремительно мерк, угасал, сужаясь до едва заметной щелочки, пока и последняя искра света не утонула во тьме...

... Теплые, еще не до конца раздавшиеся в ширину мальчишеские плечи. Тонкий, едва уловимый аромат кедровой хвои, исходящий от воротника рубашки. Чистая, белая кожа на затылке и аккуратно подстриженные волосы.

Он... едет у кого-то на спине?

— Не вертись.

Но еще невероятнее было другое: его нес на себе никто иной, как Чу Минчжан.

— Чу... Чу Минчжан?.. Кх... О-о-о... — Желудок скрутило резкой судорогой, к горлу хлынула жгучая кислая волна, мгновенно заполнив рот.

Его вырвало. Прямо на плечо Чу Минчжану!

— А-ах!.. Прости! Прости меня! — У Ли Чжи от ужаса волосы дыбом встали на голове.

Он в панике созерцал содеянное безобразие, не зная, куда деться от стыда. Растерявшись окончательно, он глупо потянулся грязным рукавом к испачканному воротнику юноши, пытаясь оттереть пятно.

— Не трогай меня, — оборвал его Чу Минчжан.

Этот холодный, но на удивление благозвучный голос заставил Ли Чжи оцепенеть. Юноша шел, опустив голову, так что выражения его лица было не разглядеть, но в этих трех словах отчетливо сквозило глухое раздражение.

Ли Чжи поспешно отдернул руку и виновато уставился в землю.

— Извини... И спасибо тебе большое. Может... может, я сам пойду? Опустим меня, пожалуйста.

Собеседник промолчал. Ли Чжи замялся и робко забормотал, путаясь в словах:

— Кажется... кажется, уроки уже начались? Тебе разве не надо в класс? Извини, что обременяю тебя... Мне так неловко.

Ситуация была хуже некуда. Ли Чжи висел на нем каменным изваянием, лихорадочно соображая, как разрядить эту удушающую неловкость, но на ум не приходило ничего, кроме бесконечных извинений.

Чу Минчжан упорно хранил молчание. Ли Чжи, устав биться в глухую стену, тоже притих. В багровых лучах заходящего солнца они миновали один учебный корпус за другим, пока не остановились у развилки дорог.

— В медпункт или в общежитие? — сухо спросил Чу Минчжан.

— В... в общежитие, наверное.

Но парень не тронулся с места.

— Ты уверен?

— Да.

— Номер комнаты?

Ли Чжи уже открыл было рот, чтобы назвать цифры, но на первом же слоге осекся. Заметив его замешательство, Чу Минчжан коротко спросил:

— Что такое?

Ли Чжи густо покраснел от стыда и еле слышно пролепетал:

— Я... я забыл ключи в комнате.

Он уткнулся подбородком в грудь, не смея поднять глаз. Ли Чжи физически почувствовал, как его спаситель сделал глубокий вдох, а затем медленно, шумно выдохнул. От невыносимого

стыда уши Ли Чжи запылали огнем.

— Тогда сначала ко мне, — ровным тоном произнес Чу Минчжан.

Ли Чжи шевельнул губами, пытаясь возразить, но слова застряли в горле. То ли его остановил раздраженный профиль попутчика, то ли собственное бессилие — он и сам не понимал.

Комната Чу Минчжана находилась в другом корпусе, на самом верхнем этаже. Это были роскошные апартаменты площадью около ста тридцати квадратных метров. Сквозь панорамные окна лился мягкий закатный свет, расчерчивая глянцевый мраморный пол золотистыми полосами и мягко подсвечивая лежащий в углу огромный чехол с контрабасом.

— Стоять сможешь? — Чу Минчжан аккуратно опустил его на пол и повернулся лицом.

Колени Ли Чжи все еще подкашивались, суставы отзывались тупой ноющей болью, но он поспешно ухватился за стену и закивал:

— Да, да, конечно. Спасибо тебе огромное...

Он поднял глаза и оцепенел. Всегда безупречно чистая, накрахмаленная белая рубашка Чу Минчжана теперь была покрыта отвратительными разводами и липла к телу нелепыми складками. Выглядел он... на редкость жалко.

— Налюбовался? — Голос юноши оставался бесстрастным, но между бровей пролегла едва заметная складка. Он небрежно указал рукой в сторону коридора: — Если хочешь помыться, гостевая ванная прямо по курсу.

— Хорошо... А во что мне переодеться?..

Чу Минчжан нетерпеливо цыкнул и кивнул в противоположную сторону:

— Там гардеробная. Возьми что-нибудь из моих вещей.

Договорив, он стремительно скрылся в глубине квартиры, словно больше не мог переносить собственную нечистоту. Вскоре оттуда донесся щелчок закрывающегося замка — очевидно, хозяин пошел смывать с себя этот кошмар.

Ли Чжи немного посидел на корточках у стены, пережидая очередную вспышку боли в коленях, после чего поднялся и направился в гардеробную. Выудив первый попавшийся комплект одежды, он поспешил запереться в ванной.

Горячие струи душа принесли мгновенное облегчение, смывая с кожи въевшуюся грязь. Ли Чжи зажмурился, чувствуя, как тепло медленно разливается по телу, возвращая жизнь онемевшим мышцам. Вместе с грязной водой, уходящей в слив, исчезал и парализующий холод.

Он выпрямился и запрокинул голову, убирая мокрые пряди со лба. Нежная пена с тонким ароматом хвои и флердоранжа окутала его с ног до головы. Ли Чжи тер кожу до красноты, вымывая каждый миллиметр своего тела, пока окончательно не убедился: он чист. И теперь он в безопасности. Только тогда он выключил воду и открыл дверь душевой.

Но тут же возникли новые трудности. Во-первых, одежда Чу Минчжана оказалась велика: если свободное худи еще смотрелось сносно, то штанины волочились по полу. После недолгой борьбы Ли Чжи сдался, аккуратно сложил брюки и отложил их в сторону. Во-вторых, сколько он ни шарил по шкафчикам и полкам, фена в ванной не обнаружилось.

В этот момент раздался стук. Сквозь толстую дубовую дверь глухо донесся голос хозяина квартиры:

— Ли Чжи?

Раздалась еще одна дробная трель ударов:

— Ли Чжи, открой дверь.

Парень всполошился. Вода ручьями стекала с мокрых волос, застилала глаза. Смахнув капли со лба, он, как был — босиком и с голыми ногами — поспешил отпереть замок.

— Ты что там делал? — Чу Минчжан стоял на пороге, упершись ладонью в косяк. На его лбу пролегла складка. Он сверху вниз посмотрел на невысокого Ли Чжи: — Ты хоть понимаешь, что торчишь тут уже почти два ча...

Его голос оборвался. Зрачки Чу Минчжана едва заметно расширились.

Распахнутая дверь выпустила наружу густое облако пара, пропитанное сладковатым ароматом цитрусовых цветов — невесомое, но словно бы осязаемое физически. Ли Чжи неловко замялся, теребя пальцы, и убрал прилипшую к шее мокрую прядь волос. На его почти прозрачной от природы коже осталась влажная извилистая дорожка, стекающая к ямочке у ключицы, прямо мимо крошечной родинки возле кадыка.

— Ой, прости... — Ли Чжи виновато опустил голову и прошептал: — Я просто не нашел фен.